Рут Страж (Бродовский)

Страна: Эстония
Город: Таллинн

Интервьюер: Элла Левицкая
Дата интервью: сентябрь 2005 г.

Текст с сайта CENTROPA.ORG
http://centropa.org/

Перевод с английского Рут Брашинской.

Я взяла интервью у Рут Страж у нее дома. После смерти мужа Рут жила одна в двухкомнатной квартире. Квартира сверкает чистотой, и видно, что ее хозяйка уделяет много внимания тому, что ее окружает. Рут – невысокая, хрупкая и выглядит удивительно молодо. У нее красивое лицо, едва тронутое годами, а морщины можно заметить, только если присмотреться. У нее блестящие глаза, аккуратная прическа, она красиво одета и слегка подкрашена. У нее приятный низкий голос и особая манера речи. Она говорит медленно, обдумывая каждое слово. У нее была трудная жизнь, несправедливо трудная. Совсем недавно она перенесла ужасную утрату, когда преждевременно умер ее единственный сын. Однако Рут выстояла, не утратила оптимизма и силы духа. Я не могу представить, какой силы должен быть человек, чтобы остаться обаятельным и оптимистичным, как Рут, после перенесенных ссылки, лагеря, тюрем и трудностей повседневной жизни в годы советского режима.

Папина семья жила в Таллинне. Эстония была тогда частью Российской империи, и Таллинн назывался Ревель. Я не знаю, где и когда родился мой дедушка, папин отец. Все звали его русским именем Яков, а его еврейское имя было Янкель. Фамилия его была Бродовский, а бабушку звали Иоганна Бродовская.

В 1884 г. дедушка Яков с отличием окончил фармацевтический факультет Московского университета. Может быть, поэтому царское правительство наградило его званием «почетный гражданин»[1] и дало право проживания в Таллинне. Из-за черты оседлости, существовавшей при царском режиме, в больших городах разрешалось жить только евреям – купцам, юристам и врачам. В нашей семье долгое время хранилась дедушкина золотая университетская медаль. Папа носил ее на своей цепочке для часов.

[1] Личный Почетный Гражданин города Ревеля [MP]

Папа был средним сыном из трех детей. Он родился в 1890 г. Звали его Макс. Его еврейское имя могло быть Моше или Моисей, я не знаю. Его старшую сестру звали Дора, а младшего брата – Леон.

Папина семья была очень религиозной. Дедушка был раввином в таллиннской синагоге. Его фотография висела в синагоге до начала 1940-х гг. Над папиным письменным столом была такая же, только увеличенная, фотография.

Семья жила по еврейским обычаям, соблюдала кашрут, отмечала субботу и еврейские праздники. По-другому в семье раввина и быть не могло. Папа и его брат получили еврейское образование, как было принято в еврейских семьях. Я не знаю, на каком языке говорили в их семье. Когда я впервые увидела бабушку Иоганну в 1937 г., она говорила только по-немецки, а мой папа знал идиш.

Все трое детей, окончив гимназию, продолжали учиться. Папина старшая сестра Дора окончила Тартуский университет и стала дантистом. Папа с младшим братом Леоном поехали в Вену и поступили на медицинский факультет Венского университета.

Дедушка умер в 1914 г. и был похоронен на еврейском кладбище в Таллинне. Его могила сохранилась, на надгробном памятнике выгравирована надпись на идиш.

В 1917 г. в России произошла революция, во время которой бабушка со своей старшей дочерью Дорой переехали жить в Ростов-на-Дону в России. Я не знаю причины их переезда. Единственное, что я могу предположить – они хотели уехать туда, где бы их никто не знал, где они чувствовали бы себя безопаснее, принимая во внимание, что дедушка был раввином. Может быть, они боялись большевиков. Когда они уехали, они, возможно, поменяли фамилию.

Может быть, поэтому Дора вышла замуж за вдовца намного старше себя и взяла его фамилию Гинзбург. Я не знаю, правильны ли мои предположения, но нет никого, кто бы подтвердил или отверг их. У Гинзбурга от первого брака были сын и дочь. В 1920 г. родился их единственный сын Яков. Дора поступила в Ростовскую консерваторию, окончила ее и переехала в Москву со всей семьей и бабушкой. Тетя прожила там до конца своей жизни. Младший брат папы, Леон Бродовский, переехал к своей старшей сестре в Москву после окончания Венского университета. В Москве он женился, у него родилась дочь. Я никогда не видела дядю Леона.

Папа же из Вены вернулся в Таллинн. Чтобы получить диплом врача, ему надо было полгода проработать в клинике. Он женился на маме в 1923 г., и они переехали в Берлин, где папа работал врачом-стажером. Он специализировался в общей терапии и кожно-венерологических заболеваниях. После стажировки папа вернулся в Эстонию, но его австрийский диплом не давал ему права работать в Эстонии. Ему пришлось

подтвердить свой диплом, сдав экзамены на медицинском факультете Тартуского университета. Только тогда папа смог начать врачебную практику.

Маму звали Эстер (ее девичья фамилия Шейн). Ее родители жили в Валге на границе с Латвией. Мамин прадедушка, Нафтоли-Герц-Эфроим Шейн, жил в Таллинне. Его могила на еврейском кладбище в Таллинне. Моя кузина Ирина Шейн, дочь дяди Герца, перевела надпись на его надгробном памятнике, слово в слово: «Здесь лежит замечательный человек, живший по Торе и мудрец. Умер 17 адара 5657 года», т.е. 1897 г. по традиционной хронологии.

До переезда в Таллинн прадедушка и его семья, возможно, жили в Пярну, потому что мамин отец, Шолом-Иосиф Шейн родился именно там в 1866 г. У дедушки был брат, Хари-Мойше, и сестра, Цвирл. Дедушка женился на Хае-Лее Тейман, родившейся в Паневежисе, Литва, в 1873 г. Моя кузина Ирина нашла регистрационную запись Пярнуской синагоги, где сказано, что они вступили в брак 2 сентября 1892 г., и это событие было зарегистрировано пярнуским раввином. Мой дедушка торговал скотом, а бабушка была домохозяйкой. Видимо, после замужества они переехали в Валгу, потому что все их дети родились там. В семье было шесть сыновей и три дочери.

Старшая дочь Рохе-Гитл (ее еврейское имя) родилась в 1893 г. Потом в 1896 г. родился сын Эфраим. Следующим был Нафтоли-Герц, 1898 года рождения, названный в честь его покойного дедушки. Моя будущая мама, Эстер, родилась в 1900 г., а ее младшая сестра Элла – в 1902 г. После Эллы было еще четверо сыновей: Лейб (1903 г.), Абрам (1904 г.), Исроэль (1906 г.) и самый младший, Пейсах (1911 г.).

После переезда в Валгу дедушка занялся лесоматериалами и стал довольно успешным фабрикантом. Его старшие сыновья Эфраим, Герц и Лейб начали работать рано. Семья была большая, и им надо было помогать отцу содержать ее. Кроме хедера они нигде не учились. Дедушкины дочери и младшие сыновья получили и еврейское, и светское образование. Они окончили русскую гимназию в Валге.

Мамина старшая сестра Рохе-Гитл вышла замуж за врача, Моисея Левитина. У них был сын Григорий. Рохе-Гитл умерла молодой в 1919 г. Эфраим женился на Розе Каплан. Она была из Алуксне (Латвия). Она окончила зубоврачебный факультет Тартуского университета и работала дантистом. Их единственная дочь Рони родилась в 1936 г. Нафтоли-Герц женился на Евгении Гольдберг из Риги. Их дочь Ирина родилась в 1932 г. Элла была замужем, но я не помню имен ни ее мужа, ни детей. У нее было трое детей, и они жили в Риге.

Лейб женился на Полине Рапопорт, которая родилась в Таллинне в 1912 г. Ее отец владел фабрикой лесоматериалов. Он умер молодым, и ее мама продолжала дело. У Полины было двое младших братьев: Самуэль (1917 г.р.) и Симон (1924 г.р.). После замужества Полина переехала в Валгу. В 1936 г. родился их единственный сын Соломон. У Абрама и Пейсаха тоже были семьи, но я не помню имен их жен и детей. Исроэл был одиноким.

Моя мама Эстер поступила на зубоврачебный факультет Тартуского университета после окончания гимназии, но не доучилась до конца. Когда мои родители поженились, папа сказал маме, что одного дантиста в семье достаточно, и что замужняя женщина должна заниматься детьми и домом. Мама бросила свою учебу на втором курсе и стала домохозяйкой. Домохозяйками после замужества стали и ее сестры. У младших братьев были свои бизнесы.

Бабушка и дедушка были очень религиозными. В Валге была синагога, и дедушка еще устроил молельный дом у себя дома. Они соблюдали дома кашрут и еврейские традиции. Все члены семьи ходили в синагогу по субботам и на еврейские праздники и отмечали праздники дома. Говорили дома на идиш. Кроме того, все бегло говорили и по-немецки, и по-эстонски.

У моих родителей была традиционная еврейская свадьба. Обе семьи были религиозными; у всех маминых и папиных братьев и сестер были еврейские свадьбы. Мои родители провели 6 месяцев в Берлине, пока папа стажировался в клинике, а потом вернулись в Валгу. Они сняли большую квартиру; папа открыл свой кабинет, где принимал пациентов. Я помню, что папа не разрешал нам с сестрой туда заходить. Он был очень аккуратным человеком и страдал, даже если карандаш на его письменном столе оказывался не на положенном месте. Только маме разрешалось наводить порядок в его кабинете.

Я родилась в 1925 г. в Тарту. Мама поехала рожать своего первого ребенка в тартускую клинику, т.к. считалось, что там были лучшие врачи и условия. Несмотря на мамины тревоги, все прошло хорошо, и мама вернулась со мной в Валгу. Я была первой девочкой в семье, родившейся после смерти маминой старшей сестры Рохи-Гитл, и меня назвали Рут, использовав первую букву ее имени. Это старое еврейское имя.

Моя младшая сестра София родилась в Валге в 1929 г. Мама родила ее дома с помощью папы и акушерки. Еврейское имя моей сестры Соре, а по документам она София. Дома мы говорили на идиш, немецком и эстонском языках. Мама бегло говорила по-русски. В детстве мы с сестрой говорили на трех языках.

У нас была няня, но мамина семья проводила с нами много времени. Бабушка с дедушкой жили недалеко, и мы часто бывали у них. С ними мы, пожалуй, проводили столько же времени, сколько дома. Они нас очень любили, и мои детские воспоминания тесно связаны с ними. Так же часто мы виделись и с мамиными братьями. Я никогда не обращалась к ним «дядя», только по имени.

Они были религиозными и соблюдали еврейские традиции. Я помню, как дедушка надевал талес и тефилин для утренней и вечерней молитвы. Мы знали, что нельзя беспокоить дедушку, когда он молится. Когда он не молился, он рассказывал нам истории из Старого Завета, которые очень походили на сказки.

Валга был маленьким городком, но в нем жило много евреев. Моей подругой была дочка папиного коллеги доктора Поляковского. У нее был старший брат, но мы с ним не дружили. Мы с подругой ходили гулять и в кино. После кино мы часто заходили в кафе. Мама покупала нам вкусные пирожные. К сожалению, моя подруга умерла молодой.

В 1931 г. мои родители решили переехать в Таллинн; я не знаю, чем это было вызвано. В Таллинне кроме медицинской практики папа занялся бизнесом. Он купил магазин тканей. Он не работал в магазине, но проверял отчеты и принимал участие в решении вопросов, касающихся работы магазина. Мама занималась домом и детьми.

Мама следовала законам кашрута. У нас была прислуга – эстонка. Она служила раньше в еврейской семье и знала законы. Мама готовила сама. На кухне у нас было два стола: один для мясных и другой для молочных продуктов. У нас также было два шкафа. Нам с сестрой не надо было напоминать об использовании разных столовых приборов для мяса и молочных продуктов. Посуда для Пейсаха содержалась отдельно. Я часто видела, как мама готовила мясо и знала, как сделать его кошерным. Мама оставляла мясо, посыпанное солью, на пару часов в миске, чтобы из него вышла кровь, потом клала его в воду, меняла воду несколько раз, и только тогда мясо годилось для варки.

Я познакомилась с Марой Шац, семья которой переехала в Таллинн из Риги. Она жила через дом от нас. Я знала, что в их доме не соблюдали кашрут, и ее мама часто приглашала меня к столу. Я очень любила сосиски, а у них их часто подавали, но я знала, что они не кошерные, в них есть кровь, и мне нельзя их есть. Я даже не могла себе представить, что проглочу хоть кусочек. Это вопрос привычки, кто как воспитан.

Мама говорила, что мы должны быть уверены, чтобы вся еда была кошерной. Что, если бабушка и дедушка зайдут, и нам нечего будет им предложить? Я часто смотрела, как мама готовила к субботе. Она всегда пекла халу, хотя могла просто купить ее в еврейской булочной. Я делала маленькие халы для своих кукол из теста, которое мама давала мне. Мама потом пекла их для меня, и я любила есть их, такие хрустящие и очень вкусные. Я умею делать халу из четырех кусков теста.

По субботам у нас всегда были форшмак, печеночный паштет, фаршированная рыба и куриный бульон. Мама готовила все это на два дня, а в субботу прислуга только разогревала и подавала еду. В пятницу вечером мама зажигала свечи и молилась над ними. Соблюдая традиции, мы отмечали еврейские праздники. На Пейсах у нас была маца, и папа вел сейдер.

Нельзя сказать, что мои родители часто ходили в синагогу, но вся семья бывала там на еврейские праздники. На Йом Кипур родители целый день проводили в синагоге и постились. Мы с сестрой ели на Йом Кипур перед школой, но когда я училась в гимназии, я постилась, как и мои родители.

Во время еврейских праздников мы навещали маминых родителей в Валге. В гимназию я в эти дни не ходила. Живущие в Валге мамины братья и сестры с семьями собирались у своих родителей. Я помню, как дедушка сметал перед Пейсахом хлебные крошки в деревянный совок. Дома папа этого не делал.

Папа хотел, чтобы мы изучали языки, и послал нас в гимназию, где обучение велось на иврите. Все предметы мы изучали на иврите, а дома мы на нем не говорили. На лето родители снимали дом в Пирита, на берегу моря. С нами были бабушка и дедушка, а мама с папой приезжали на выходные.

Учитель из нашей гимназии, Михельсон, тоже проводил отпуск в Пирита. Он был евреем, а его жена – эстонкой. Но она знала иврит лучше любого еврея. Ее надо было слышать! Она готовила к субботе фаршированную рыбу и форшмак. Папа поговорил с Михельсоном о том, чтобы она обучала меня ивриту. Мы ходили на пляж и проводили там от трех до четырех часов в день, разговаривая на иврите. Мы не читали, не писали, просто лежали на солнце и купались, но мы произносили ни одного слова на других языках.

К началу учебного года я так же бегло говорила на иврите, как на идиш. У меня не было в школе проблем с ивритом. Алфавит я выучила в первом классе. У нас были очень опытные учителя. Многие из них, включая Самуила Гурина, нашего директора, были польскими евреями, приехавшими жить в Эстонию. В моем классе было 4 девочки и 12 мальчиков. У нас была красивая форма: темно-синее платье с белым воротником и черным передником. Девочки носили темно-синие береты с диагональными серебряными полосками на одной стороне. Количество полосок указывало, в каком классе девочка учится. На берете была также эмблема с названием нашей гимназии. На праздники мы прикрепляли к платьям большие белые шелковые воротники с оборками. Мальчики носили темно-синие костюмы, рубашки и галстуки.

По большим переменам в нашей школе работала столовая. Дамы из сионистской организации WIZO и мамы школьников кормили нас. Учащиеся получали бесплатные завтраки и могли купить бутерброды, булочки, молоко, кисель и чай.

В Эстонии до войны не было антисемитизма. Даже после прихода к власти Гитлера отношение к евреям в Эстонии не изменилось. Я чувствовала себя такой же, как все. Евреев никогда не оскорбляли за принадлежность к еврейству. Жизнь была спокойной, и даже по ночам на улицах было безопасно. Учеников еврейской гимназии было легко узнать по их школьным формам, но эстонские и немецкие дети нас никогда не дразнили.

Существовало несколько детских и молодежных еврейских организаций и левого, и правого толка. Мои друзья вступили в них, и я тоже хотела. Когда я сказала об этом дома в присутствии папы, он заметил, что мне надо учиться вместо того, чтобы заниматься политикой. Поэтому я и не вступила в «Бетар» или «Хашомер Хатзаир». Папа был не против того, чтобы я ходила в детские центры, если они не имели ничего общего с левыми или правыми сионистскими организациями. Это он строго запрещал.

Я занималась гимнастикой в зале «Маккаби». У меня было два частных урока русского языка и два – английского в неделю. Два раза в неделю у меня были уроки музыки, и дома приходилось много упражняться. Родители купили пианино. Мама хорошо играла и слушала, когда я упражнялась дома.

Мы с моим будущим мужем Яковом Стражем были друзьями. Выучив уроки, мы часто ходили гулять или в кино. Когда подходило время назначенной с ним встречи, я старалась быстро закончить свои дела, но мама всегда настаивала, чтобы я еще позанималась. Она ставила часы на пианино, и я должна была играть не меньше 45 минут, иначе мама не разрешала мне уйти. Я нервничала: «Хватит…», и тогда папа заходил в комнату со словами: «Хватит. Девочке уже достаточно…», и я выбегала из дома, чтобы встретиться со своим другом Яковом.

Яков был на два года старше меня. Мы учились в одной гимназии. Он родился в Таллинне в 1923 г. Его отец, Абель Страж, был таллиннским, а мама, Фанни, приехала из Тарту. Они поженились в Таллинне после свадьбы, и здесь родились их сыновья, Яков и Залман (1927). Абель владел шляпной мастерской. Я встретила Якова в гимназии, и мы очень подружились.

Папа очень следил за моими школьными успехами. Каждый вечер он проверял дневник. Иногда он экзаменовал меня по арифметике или физике, и я должна была готовиться к ответам в его присутствии. Я боялась этого. Папа очень быстро взрывался, но и скоро успокаивался. Если я делала что-то неправильно, он кричал: «Как ты не понимаешь? Как можно не понимать это?» Во время этих домашних проверок я была парализована страхом. В гимназии по этим предметам у меня были самые высокие отметки, и папа был сбит с толку. Он не понимал, откуда брались мои хорошие успехи в гимназии, если я не могла ответить на его простые вопросы дома.

Когда мне было 12 или 13 лет, в гимназии стал работать кружок популярных танцев. Я вступила в него, и папа не был против. Все мои одноклассники посещали этот кружок. Мы так любили танцевать! Один раз после занятий в кружке моя подруга сказала, что она видела объявление о танцевальном вечере в «Бетаре», и она предложила мне пойти туда вместе. Я не сказала ничего дома, и мы пошли. Я опоздала к обеду. У нас в семье было строгое правило собираться всем вместе к обеду. Завтракали мы каждый в удобное для него время. Мы с сестрой завтракали первыми перед уходом в гимназию. Папа начинал работу позже. Ланч мы ели тоже в разное время. Только обедали все вместе. В тот раз я опоздала на 10 или 15 минут. Папа спросил, где я была, и я сказала правду. Естественно, я была наказана. Папа сердился не столько из-за моего опоздания, сколько из-за того, что я нарушила его запрет и пошла в сионистскую организацию.

Мы очень мало знали о жизни в Советском Союзе. С тех пор, как папины сестра с братом и бабушка уехали в Советский Союз, контактов с ними у нас не было. Живущие в СССР люди должны были быть очень осторожными насчет переписки с родственниками за рубежом. Мои родители, видимо, знали об этом и посылали им письма с оказией. Папа очень страдал от того, что его родные едва сводят концы с концами, тогда как мы живем так хорошо.

В 1933 г. папа решил навестить своих родственников. Получить визу в советском посольстве было нелегко, но папе это сделать удалось. Вернулся он в ужасе. Мы не имели представления, что это такое - коммунальная квартира. Папа был в шоке, когда увидел, что Дора и Леон с семьями и бабушка жили в тесноте вместе с несколькими соседями в коммунальной квартире. Он рассказал, что в Советском Союзе купить продукты было проблемой, люди ходили в ужасной одежде, и нужны огромные усилия, чтобы купить самые необходимые вещи.

Папа решил, что бабушку надо любой ценой перевезти жить к нам. Ему нужно было получить разрешение. Больше года ушло на оформление необходимых бумаг для того, чтобы матери позволили приехать жить к сыну. До приезда бабушки мама часто говорила нам с сестрой, что папина мама такая же бабушка, как Хая-Лея, и мы будем любить ее и заботиться о ней.

Когда папа собирался в Москву за своей мамой, я написала ей длинное письмо. Я сообщила, что у нас пяти-комнатная квартира, что мама приготовила для нее удобную комнату. Когда бабушка приехала, ее ждала купленная для нее новая одежда. Бабушка не могла поверить, что у нее отдельная комната, и что в квартире нет соседей. В Москве в такой квартире жили бы пять семей. Мы заботились о бабушке, но, к сожалению, долго она не прожила; она умерла от сердечного приступа в 1936 г. Бабушку похоронили на еврейском кладбище в Таллинне по еврейским обычаям.

В 1937 г. умер папа. У него было осложнение на почки после гриппа. Его долго лечили, но у тогдашней медицины были ограниченные возможности. Папа умер от тромбоза сердца. Его похоронили рядом с могилой его матери. Мама стала вдовой в 37 лет. Ей надо было растить двоих детей. Мамины братья помогали. Это была дружная семья: один за всех, и все за одного. Папин магазин тканей был большой поддержкой для нас. Если бы не советы и помощь ее братьев, мама сама бы не справилась с магазином.

Когда в 1939 г. после подписания пакта Молотова-Риббентропа в Эстонии были размещены советские военные базы, эстонцы, я думаю, не протестовали. Было ясно, что Гитлер представлял реальную угрозу, и они, возможно, надеялись, что присутствие советских военных сможет защитить от нее. Все было мирно и тихо, и советские военные были дружелюбными. Поэтому ни у кого не было опасений и предчувствий, когда в августе 1940 г. Эстония была присоединена к Советскому Союзу и стала советской республикой.

Скоро начались наши неприятности. Во-первых, был национализирован наш магазин. Мамины братья тоже пострадали от нового режима. Старшие братья лишились своего деревообрабатывающего бизнеса, а младшие – мастерских. Дедушка Шейн умер в 1939 г., и бабушка переехала к Эфраиму. Она серьезно заболела в 1940 г. Она лежала при смерти, когда сотрудники НКВД пришли обыскивать дом Эфраима. Его жена Роза

умоляла их не трогать больную, но они были безжалостны. Все дети бабушки собрались в доме Эфраима, чтобы попрощаться с матерью. Они плакали, а НКВДшники переворачивали дом вверх дном. Они не уважали даже смерть.

Почти сразу после смерти бабушки семью Эфраима выселили из дома. Нам тоже скоро пришлось переехать. Советские власти решили сделать в нашем доме военный призывной пункт. Никого в НКВД не заботило, куда деваться женщине с двумя детьми. Еще до того, как мы выехали, они пришли и забрали деньги и драгоценности.

Хозяином нашего дома был польский еврей из Белостока, а его жена была местной. У них были сын и дочь. Они были очень приятные люди и сочувствовали нам. Мама надеялась, что, забрав у нас все, нас оставят в покое. Нам надо было учиться жить в этой новой ситуации. Мама пошла работать в мастерскую, где производили шарфы. Она вытаскивала нитки, чтобы сделать бахрому на шарфах, и закрепляла края. Она часто брала работу домой, и я помогала ей по вечерам. На следующий день она относила готовые шарфы на работу.

Наша гимназия была закрыта, вместо нее открыли школу, где преподавали на идиш. У меня не было проблем, т.к. идиш был моим родным языком. Начались аресты, но не очень многочисленные. Большей частью арестовывали политиков и тех, кто открыто выступал против советского режима.

Рано утром 14 июня 1941 г. к нам зашла наша хозяйка. Она рассказала, что ее прислуга была в магазине, и ей сказали, что рано утром НКВД арестовал семью Фальштейнов, которых мы хорошо знали. Никто не знал, почему их арестовали, в чем обвиняли. Скоро позвонили в нашу дверь. За дверью стояли трое: один в морской форме, другой – гражданский и третий – милиционер. Они были вооружены. Они спросили, где мама, и я ответила, что она на работе. Адреса ее работы я не знала. Тогда один из них предложил нам с сестрой пойти с ними, а они будут искать маму. Я сказала, что без мамы мы никуда не пойдем. Один из них пошел искать маму, а двое других остались с нами.

Они велели нам собрать и запаковать наши вещи. Я растерялась. У меня была целлулоидная кукла в плетеной коляске, подарок на день рождения. Когда папа болел и лежал в постели, он спросил меня, что я хочу получить в подарок на день рождения, и я ответила, что хочу такую куклу. Мама купила ее. Тогда мне казалось, что это самое дорогое, что у меня есть, и я схватила куклу, но мне велели оставить ее. Милиционер казался славным малым. Он сказал по-эстонски, что нас посылают в Сибирь, и надо собрать теплые вещи. Я стала бросать в чемоданы из шкафа теплую одежду и белье.

С нами жила прислуга. Она была нам как родная. Она спросила этих людей, куда они посылают ее хозяйку и детей, встала на колени перед ними, умоляя оставить нас в покое. Человек в гражданском ответил, что сделать ничего нельзя. Тогда она попросила из разрешения пойти с нами.

К тому времени вернулась мама. Ее два брата тоже пришли как раз навестить нас. Дядя Лейб с женой недавно переехали в Таллинн из Валги, и они жили с родственниками Полины. Мама Полины и два ее младших брата были уже арестованы и отвезены на железнодорожную станцию. Лейб и Полина не были включены в списки депортируемых, и их не взяли. Лейб сразу позвонил своему брату Пейсаху, и они

побежали к нам. У меня на руке были простые часы. Когда никто не видел, Лейб снял их с моей руки и заменил золотыми часами. У нас дома не было денег. Дяди дали нам 400 рублей, все, что у них было. Мы забрались в грузовик, и милиционер помог погрузить наши вещи. Видно было, что для него это была трудная работа. Он был приличным человеком, и не только он один, Были и другие.

Когда мы приехали на станцию, нас отвели к товарному поезду. Он состоял из вагонов, предназначенных для перевозки скота. Мы погрузились. Когда охранники отошли от вагона, мы увидели, что кто-то машет нам из соседнего вагона. Это был мамин брат Исроэл, мы и не знали, что его тоже арестовали. Потом еще кто-то нам помахал. Это была мамина знакомая. Мама попросила у охранника разрешения перейти в тот вагон, где был ее брат, но получила отказ. Он сказал, что мы встретимся в пункте назначения.

Когда поезд тронулся, мы обнаружили в нашем вагоне и другие знакомые еврейские семьи. Недалеко от нас сидела семья Рубановичей. Самого Рубановича не было, только его жена и дети. Позже мы узнали, что мужчин послали в ГУЛАГ, а их семьи – в ссылку. Женщина сказала нам, что мамины братья искали нас на платформе, спрашивая людей: «Где семья Бродовских?» Мы их не слышали.

Я не помню всех мест, мимо которых мы проезжали. В какой-то момент мы погрузились на баржу, выгрузились же, в конце концов, в деревне Молотовск Кировской области (около 400 км от Москвы). Всех, кто был из Эстонии, поместили в местной школе. Наши охранники ждали распоряжения из Москвы. Возможно, они не знали, что с нами делать дальше. В школе была столовая, где можно было купить поесть. Ситуация была ужасной, никто не знал, что нас ждет впереди.

Мы вышли оглядеться вокруг. Шел проливной дождь. Мы смотрели на местных людей, одетых в ужасно выглядящие картофельные мешки с дырами для головы и рук, подвязанные веревками. Они носили лапти. Мы смотрели друг на друга. Рядом с нами стояли и другие ссыльные. Так как наших женщин забрали в поезд из дома или с работы, они были прилично одеты. На них были туфли на высоких каблуках и тонкие чулки. Похоже, что местные никогда не видели такой одежды.

На следующий день нас зарегистрировали как высланных граждан и распределили по новым местам. Мы попали в колхоз около г. Слободское. Там были еще 4 еврейские семьи. Каждое воскресенье они продавали свою одежду на базаре. У нас все еще были деньги от маминых братьев, и мы не могли понять, как можно снимать с себя одежду и продавать ее. Позже мы поняли.

Скоро стали приезжать и другие высланные семьи. В соседнем с нами доме поселилась еврейская семья из Риги – пожилой мужчина, жестянщик, и две его взрослые дочери (они, видимо, были одинокими). Старшую дочь звали Пинця, а имени младшей я не

помню. Этот жестянщик организовал мастерскую. Мы и другие евреи работали в ней. Все балтийские евреи помогали друг другу.

Моей сестре было 12 лет, а мне – 16. Вскоре после нашего приезда мы с сестрой стали ходить в местную школу. Я пошла в 10 класс, но на самом деле, все, что они проходили, я уже изучала в моей школе в Таллинне. В любом случае, школу мне пришлось бросить, чтобы работать в мастерской. Мама, сестра и я работали дома. Мы вязали куртки из хлопчатобумажной веревки. Мы дома никогда не вязали, но мама умела это делать, и я училась вязать в гимназии. Мы должны были связать по пять курток в месяц каждая. Мама и я с помощью моей младшей сестры умудрялись связать их в три раза больше. Мастерская давала вязальные спицы и бумажные выкройки, и мы вязали по много часов в день.

Нам нужна была эта работа. Дело в том, что мастерская давала хлебные карточки на 500 гр. в день, а не работающим было положено только по 200 гр. Конечно, хлеб был ужасного качества, в нем были отруби, опилки и мороженая картошка. Очереди за ним были такими длинными! Приходилось стоять всю ночь, хлеб привозили в магазин только с рассветом.

Однажды мы встретили еще одного еврея из Риги. Сразу после приезда его назначили бухгалтером на мясокомбинат. Он был не в ссылке, а в эвакуации, и государство доверяло ему. Он предложил маме работу счетовода на мясокомбинате. Работники комбината могли за бесценок покупать кости. Эти кости были вонючими, и суп из них есть было почти невозможно. При комбинате работала колбасная мастерская, и время от времени сотрудникам давала карточки для покупки 300 гр. колбасы. Мама стала работать на комбинате, а мы с сестрой продолжали вязать в мастерской.

Один раз мама дала мне колбасные карточки и попросила их отоварить. Начальником колбасной мастерской был чеченец, демобилизованный из армии по инвалидности. Он спросил меня, откуда я родом, завел на склад. Вместо того чтобы отрезать 300 гр. колбасы, он дал мне весь батон. Я сказала, что это слишком много, но он велел не беспокоиться и есть на здоровье. Он также пригласил меня приходить еще, когда мы съедим колбасу. Когда я пришла домой с этой колбасой, мама спросила, где я ее взяла. Я сказала ей, что отдала карточки начальнику мастерской, и он сказал, чтобы я приходила еще. Мама велела мне забыть об этом, и сказала, что нам не нужна его колбаса. Я больше туда не ходила.

Мы жили в доме местной жительницы, и это было ужасно. Наша хозяйка жила с двумя внуками, детьми своего сына, который был на фронте. Мать этих детей повесилась, и говорили, что из-за нашей хозяйки. Она никогда раньше не видела евреев, и была уверена, что это самые ужасные чудовища на земле. Когда она узнала, что мы евреи, и что мы в ссылке, она стала отравлять нашу жизнь, как могла.

Однажды ее сын приехал в отпуск. Он зашел в нашу комнату и стал спрашивать, откуда мы приехали, и что происходит в жизни. Когда его мать это увидела, она ворвалась к нам с криком: «Уходи отсюда, они предатели, они враги народа!» Мы даже не знали, что значит «враги народа».

Одна из местных женщин, Шура, муж которой был на фронте, и она жила с двумя детьми, пригласила нас жить у нее. Она сказала, что, наблюдая за нами, и ей кажется, что мы хорошие люди, а наша хозяйка не оставит нас в покое, и ей, Шуре, жалко нас. Мы переехали в ее дом, и жизнь стала лучше. Шура была хорошим человеком. У нее была корова, и мы покупали у нее молоко. Зимой мы с сестрой заболели желтухой. Мы не знали, что эта болезнь заразная. Хорошо, что мама не заразилась от нас. Нас навестила очень симпатичная, из эвакуированных, врач. Она работала в больнице села Советское, каждый день приходила и приносила лекарства. Она была из врачебной династии, а ее муж был фронтовым врачом. Я думаю, что она спасла наши жизни.

Мы никогда не теряли надежды на то, что война скоро кончится, и мы вернемся домой. Мы тогда не знали, что нам нечего было ждать. Мужчины были в лагерях ГУЛАГа. Большинство из них были приговорены к пяти годам лагерей, и в 1946 г. тех, кто выжил, стали выпускать. Однако члены их семей остались в вечной ссылке. Когда в 1946 г. большинство заключенных освободили, получилось, что в лагерях некому стало работать.

Однажды комендант приказал маме и мне явиться к нему. Он сказал, что у нас есть неделя на сборы. Мы не знали, что нас ждет, но втайне надеялись, что нас отсылают домой. Оказалось, нас послали в закрытую зону Бухино около гулаговского лагеря. Нас заставили там работать. Только женщин с маленькими детьми не подпускали к зоне, нас же отвели туда под конвоем. Зона была огорожена колючей проволокой и охранялась. Внутри зоны были бараки, а вокруг – поля и леса. Каждое утро мы просыпались под удары колокола. Мы строились во дворе и выслушивали задание на день. Даже после полного рабочего дня заключенных могли разбудить и снова погнать на работу. Мы все трое работали в поле.

В лагере были также и немецкие военнопленные. Один раз мне велели пойти взвешивать зерно на молотилке, где работали немцы. Мама ужасно испугалась, она была вне себя. Она сказала, что те гитлеровцы сразу убьют меня, как только узнают, что я еврейка. Я пыталась успокоить ее, но и сама боялась. Я пошла на работу. Я стояла около весов, куда немцы приносили мешки с зерном со склада. Я должна была взвешивать эти мешки, записывать вес, а потом заключенные отвозили их на повозках обратно на склад. Немцев было около десяти человек. Они разговаривали между собой по-немецки, и я все понимала, но они этого не знали. Они не сказали обо мне ни одного слова.

Я работала на молотилке, пока не взвесили все зерно, и все это время немцы относились ко мне очень дружелюбно. Им разрешили получить из дома рождественские посылки, и они приносили мне шоколад, конфеты и печенье. После работы они занимались резьбой по дереву. Они подарили мне ложку и доску, и это было очень трогательно. Я знала, что пленным давали больше хлеба, если они перевыполняли норму, и иногда слегка завышала сделанное ими. Они заметили это и предупредили, чтобы я дни проверки писала правильные цифры.

У меня были и другие точки соприкосновения с немцами. Однажды, работая в поле, я серьезно повредила ногу. Лекарств и бинтов не было, рана воспалилась и превратилась во флегмону. Я потеряла сознание на работе. Температура была очень высокой. Наша зона была почти в 10 км от центра лагеря, где была тюремная больница. Охранник вызвал оттуда врача. Им оказался пожилой немец из Поволжья. Он отбывал срок в

лагере, а позже остался там работать. Как хирург, акушер и венеролог, он навещал пациентов во всем лагере. Заключенные очень уважали его. Весь персонал больницы состоял из заключенных: санитары, медсестры или фельдшеры.

Меня взяли в больницу, но пришлось долго ждать разрешения для прохода в закрытую зону. Врач осмотрел других пациентов. Нам дали палату для заключенных из Эстонии. Меня взяли в операционную. Врач сделал операцию очень хорошо, и я провела в больнице какое-то время. Два раза в день врач менял мне повязку, и мы болтали по-немецки. Через несколько дней в больницу привезли маму. У нее был авитаминоз, и все ее тело покрылось язвами. Мама провела в больнице около двух недель, и ее выписали. А мне пришлось пока оставаться там. Врач очень сочувствовал мне. Когда ему приходилось навестить пациента в наших краях, он предлагал мне пойти вместе с ним, чтобы я могла повидаться с мамой.

Когда я была в больнице, я услышала об амнистии. Однажды я увидела много молодых женщин с маленькими детьми и беременных женщин. Оказывается, амнистия распространялась только на молодых матерей и беременных женщин, и многие женщины поторопились забеременеть. Врач был членом медицинской комиссии. Недалеко от зоны был машинный двор, где работали заключенные-мужчины; они не были политзаключенными. Всех беременных женщин спрашивали, кто отец их будущего ребенка, и все они отвечали, что это один из рабочих машинного двора. Никого не заботило, кто конкретно был реальным отцом. Амнистия закончилась, и все мы впали в депрессию.

Позже наша семья, наряду с четырьмя или пятью другими семьями, была признана негодной к работе в поле. Другие эстонские заключенные убеждали нас остаться, говорили, что нас могут послать на торфяные разработки, и это означало верную смерть. Мы же с мамой решили, что нам надо выбраться из зоны и посмотреть, что случится дальше.

Нас послали в деревню и поселили в местном доме. Там была только одна комната, и мы делили ее с хозяйкой и ее дочерью. Девочка спала на русской печи. Мы должны были шить шерстяные куртки для колхоза. Это была тяжелая работа, и мы никогда раньше не шили одежду. Мама и мы с сестрой работали вместе, чтобы выполнить норму. Через несколько дней мама сказала, что мы умрем с голода, если останемся здесь. Она отпросилась на день с работы и пошла в Слободское (в 5 км от нашей деревни) искать работу. Она нашла место музыкального работника в детском саду. Мы переехали в город.

Нам надо было зарегистрироваться у коменданта, а потом отмечаться по определенным дням сначала еженедельно, а потом – раз в 10 дней. Паспорта у нас отобрали сразу после прибытия в ссылку, а вместо них нам выдали справки. Мы должны были представить их милиционеру для регистрации и подтверждения нашего места жительства.

Позже одна знакомая помогла мне устроиться на работу в конторе винного завода. Все сотрудники там были молодые девушки, а начальник – пожилой мужчина. Платили нам очень мало. Я не чувствовала плохого отношения к себе из-за того, что я ссыльная. Я работала счетоводом в вино водочном цехе. Один раз начальница этого цеха велела мне принести бутылку, в которую она нальет водку. Я сказала, что никто в нашей семье

водку не пьет, но она объяснила, что водку можно продать. На рынке водка стоила дорого. Ее можно было поменять на продукты. Количество водки в цехе не учитывалось.

Однажды, я помню, мне захотелось пить, и я попросила кого-то налить мне стакан воды. Когда мне его дали, я выпила его до дня залпом, и мои внутренности начали гореть. В стакане оказался чистый спирт. Раньше я никогда не пила ничего крепче вина на Пейсах. Многие молодые девушки разрушили свои жизни из-за пьянства, но, к счастью, меня к нему никогда не тянуло.

Каким-то образом мне удалось найти своего школьного друга и будущего мужа Якова Стража. Мы расстались в 1941 г., когда нашу семью депортировали, и с тех пор я о нем ничего не знала. Отец Якова умер в 1938 г., через год после моего. Яков со своим младшим братом работали в отцовской шляпной мастерской. В 1940 г. мастерскую национализировали, и она стала государственной. Семья Якова избежала депортации. Когда немецкие войска приблизились к Эстонии, им удалось эвакуироваться.

Мы расстались, когда мне было 16 лет, а Якову – 18. Когда мы были в ГУЛАГе, я получила от Якова письмо. Он прислал мне номер своей полевой почты. Я колебалась, но ответила. Он написал, что согласился эвакуироваться в Сибирь только для того, чтобы быть ближе ко мне. Якова призвали в армию в 1942 г., когда он был в эвакуации. Он служил в Эстонском корпусе. Он писал мне с фронта, что несколько раз бывал под жуткими обстрелами, но остался жив – видимо, бог был за то, чтобы мы снова встретились после войны.

Позже, когда Таллинн был освобожден, я получила письмо от подруги. Она писала, что Яков готов бежать ко мне, но он не смеет. Столько лет прошло, и он боялся, что больше мне не нужен. Я думала: «Хочу я, чтобы он приехал и увидел меня живущей в бараке на 300 человек?» Я написала Якову, что очень хочу его видеть, но в данный момент пусть не приезжает, может быть позже, когда мы покинем зону. Когда мы переехали в Слободское, Яков был еще в армии. Но он мог получить отпуск, т.к. война уже закончилась. Он приехал, как только я дала ему наш новый адрес.

Яков настаивал, чтобы мы немедленно поженились. Наша свадьба была такой же простой, как наши обстоятельства. Мама не могла уйти с работы, сестра училась в техникуме, и мы пошли регистрироваться вдвоем без свидетелей. Сотрудник ЗАГСа пошел в экономический отдел исполкома и вернулся с двумя его сотрудниками. Они и стали нашими свидетелями. Напротив исполкома был базар, там продавали разливную водку. Мы зашли туда, и Яков выпил 100 гр. водки, а я – 50 гр. Мы купили бутылку водки домой и вечером выпили ее. У Якова с собой были продукты, которых мы не видели много лет: селедка, колбаса и мясо. Единственной гостьей на нашей свадьбе была наша хозяйка. Такая была у нас свадьба.

Яков пробыл у нас месяц. Он привез с собой справку из Таллиннского военкомата, в которой говорилось, что я могу приехать в город в качестве жены участника войны. Яков отправился в Слободское и Киров чтобы оформить мои документы об освобождении. Он обратился к местному руководству, но там ничего не получилось. Официально я была женой Якова, но местные власти считали, что наш брак фиктивный. Якову надо было возвращаться в Таллинн; отпуск его заканчивался. По возвращении он

демобилизовался из армии и продолжал хлопоты о моем освобождении из ссылки, но снова безрезультатно.

Некоторые эстонцы начала возвращаться из ссылки, не дожидаясь разрешения. Яков написал мне, что против них не предпринимается никаких действий. Он решил, что мне надо вернуться в Таллинн, особенно принимая во внимание, что я замужем за жителем города. Я, естественно, боялась, потому что у меня не было паспорта. Потом я все-таки решилась и поехала на поезде домой. Мама с сестрой остались в Слободском. Наша хозяйка пошла со мной на станцию. Она несла на плече мой чемодан. К счастью, в поезде никто не проверял билеты, и я благополучно добралась до Кирова.

В Кирове я купила билет до Ленинграда и сообщила мужу телеграммой, что я в пути. В Ленинграде я остановилась у своей кузины, дочки дяди Леона. Он был убит во время войны. Он был в плену и погиб в концлагере для военнопленных. Моя кузина купила мне билет в Таллинн. Муж и его семья встречали меня на платформе. Это было в феврале 1948 г.

Меня встречали Яков, его брат Залман и моя свекровь, а также три ее брата и сестра с детьми и внуками. Я их раньше не знала и чувствовала себя неловко. На мне были ужасные валенки и мамино пальто. Мама очень похудела в ссылке и носила мое пальто, из которого я выросла к 16 годам. Кроме пальто, мама отдала мне красное шелковое платье, которое она носила до войны. Мама также дала мне подушку, одеяло и два набора постельного белья, которые были у нас с собой, когда мы уезжали из дома. Это было мое приданое.

Когда мы пришли домой, свекровь устроила семейный обед. Ее брат, помощник сапожника, измерил мою ногу и через две недели подарил мне три пары обуви: уличные туфли, босоножки и пару выходных кожаных туфель. Брат свекрови, портной, принес мне два платья моего размера. Мои друзья купили мне два отреза ткани: шерсть в черную и белую клетку и красивый шелк. Это не продавалось в магазинах, но они где-то достали. Брат моего мужа Залман получил талон на мужской костюм и сумел каким-то образом добыть вместо него отрез ткани на пальто. Брат свекрови сшил мне красивое пальто. Короче, они одели меня с ног до головы. Но это было позже.

На следующий день после моего приезда Яков позвал меня погулять в город. Свекровь дала мне свои старые сапоги, которые были мне велики, и мне пришлось надеть толстые носки. Муж повел меня в ресторан, и мы танцевали всю ночь, несмотря на ужасные сапоги, в которых я была. На других женщинах были красивые туфли, но мне было все равно.

Скоро я почувствовала, что беременна. Я стала прибавлять в весе. Это случалось со мной и раньше, когда мы попали в Молотовск, и врач списал это на перемену климата. Поэтому я не обращала внимания. Но моя свекровь настаивала, чтобы я показалась врачу. У меня ведь не было документов, и я не могла пойти в поликлинику. Жена Яшиного кузена, Евгения, тоже была беременна и пошла к частному врачу. Моя свекровь попросила ее взять меня с собой. Я сказала врачу, что у меня нет паспорта, что я была в ссылке и приехала, не дожидаясь разрешения. Я думала, что он попросит меня уйти из его кабинета, но он осмотрел меня и сказал, что у меня будет ребенок. Этот врач

руководил гинекологическим отделением больницы. Он сказал, что будет наблюдать меня, и когда придет время рожать, он примет меня в больницу без документов.

Когда я вернулась домой, я объявила семье свою новость. Честно говоря, я боялась рожать. Я не знала, смогу ли справиться. Свекровь просто высмеяла меня за мои страхи. Беременность протекала без проблем. Каждый вечер я встречала мужа после работы, и мы шли гулять. Я навещала своих друзей. Однажды вечером, когда мы вернулись от моей подруги, у меня начались роды. Я не хотела никого беспокоить и старалась терпеть боль молча, но свекровь сказала, что надо идти в больницу. Она была очень заботливой.

Брат Якова проводил нас с мужем в больницу. Была ужасная погода, шел снег, и было ветрено. Нам не попалось ни одной машины. Мы остановили грузовик, но когда водитель увидел, что я беременна, он сказал, что не хочет, чтобы я родила в его грузовике. В конце концов, муж остановил машину. Он убедил водителя отвезти нас в больницу; через несколько минут мы были там.

Никому из членов семьи не разрешили войти даже в приемный покой. Яков и Залман ушли. Медсестра позвонила врачу домой, и он пришел в больницу. Через несколько часов родился мой сын. Я была счастлива, т.к. мой муж очень хотел сына. Мы назвали его Максимом в честь моего папы. Когда мы вернулись из больницы, сыну сделали обрезание. Свекровь приготовила хороший обед, и мы отпраздновали это событие.

Ритуал провел кантор таллиннской синагоги Гуревич. Синагоги больше не было, она сгорела во время войны. Власти предоставили строение, которое переоборудовали под молельный дом. Гуревич спросил нас с мужем, была ли у нас еврейская свадьба с хупой. Мы рассказали ему о нашей свадьбе, и он понял, что в ссылке невозможно было сделать хупу. Потом он сказал, что проведет свадебную церемонию до ритуала обрезания, чтобы наш сын считался законнорожденным по еврейским традициям. У нас была самодельная хупа. Гуревич произнес положенные молитвы и провел свадебную церемонию, а церемония обрезания прошла после нее.

На самом деле, после войны в Таллинне евреи следовали еврейским традициям. Однако это было небезопасно для государственных служащих и членов партии. Мой племянник, сын Якова и Евгении, родился на два месяца раньше Максима. Ему тоже сделали обрезание. Кузен Якова был членом партии и работал с прокурором Таллинна. В это время он поехал в другой город по делу на тот случай, если кто-нибудь узнал бы об обрезании; он мог бы тогда сказать, что ничего не знал об этом. Когда нашему сыну было три недели, меня арестовали – 16 декабря 1948 г. Мне разрешили взять сына с собой в тюрьму. Я отказалась. Я знала, что он там может умереть. Меня поместили в таллиннскую тюрьму, а мой сын остался со свекровью и моим мужем.

Я пыталась получить легальный статус до рождения ребенка. Мой бывший одноклассник Тарель был председателем Совета министров Эстонии. Я пошла к нему на прием и рассказала свою историю. Он дал мне записку, велел отнести ее в КГБ и сказать, что я пришла от него. Свекровь сказала моему мужу, что я не должна идти в КГБ одна. Когда мы вместе пришли туда, Якову не разрешили войти. Я пошла вдоль длинных темных коридоров. Сотрудник, принявший меня, посоветовал уехать из Таллинна немедленно, чтобы меня не было здесь, когда придет запрос о моем месте пребывания. Если будет официальный запрос, меня отошлют в Киров под конвоем.

Мама написала мне о том, что комендант в Слободском уже зарегистрировал мое отсутствие. Он сказал маме, что если я вернусь добровольно, он не будет требовать моего наказания, но если меня привезут под конвоем, у меня будут неприятности. Я показала мамино письмо моей семье. Дома сказали, что никто не станет трогать беременную женщину, а когда я рожу, они не посмеют тревожить меня. В КГБ я сказала, что беременна, и от меня потребовали справку от врача о том, что я нуждаюсь в медицинском наблюдении. Я принесла такую справку, и офицер КГБ велел мне прийти после родов и отметиться. Когда нас с сыном выписали из больницы, дома мне посоветовали не ходить в КГБ, т.к. они, наверное, давно забыли обо мне. Как оказалось, КГБ никогда и никого не забывал.

Я провела полгода в Таллиннской тюрьме. Мне разрешали видеться с семьей. Яков и Залман приходили ко мне. Они приносили фотографии моего сына. Тюремные камеры были переполнены. Люди были разные: матери, невесты, жены и сестры эстонских патриотов, бухгалтеры и директора различных учреждений, религиозные люди, преследуемые за их веру, и уголовницы. Все были в тюрьме.

16 июня 1949 г. меня отвели в кабинет начальника тюрьмы. Он сказал, что получил мой приговор из Москвы. Меня приговорили к трем годам лагеря. Он велел мне ознакомиться с приговором и подписать его. Скоро меня перевели из общей камеры в одиночную. Там я провела какое-то время, а потом, вместе с русскими женщинами, воровками, нас отвели к фотографу. Эти воровки знали обо всем, что происходило в тюрьме. Они переговаривались с другими заключенными при помощи азбуки Морзе. Они сказали, что мне нечего беспокоиться. Я не знала, что был принят закон об амнистии для женщин, имеющих детей моложе 7 лет. Всех, кто был со мной, отпустили, но меня депортировали в Кировскую область.

Меня освободили от пребывания в лагере, но я все же провела три года в ссылке. Несколько недель меня держали в Кировской пересыльной тюрьме. Там были и другие заключенные из Эстонии, покинувшие место ссылки без официального разрешения, но были также и уголовники и даже убийцы. По дороге в Киров в поезде был целый вагон с убийцами, которых везли в кировскую тюрьму. Меня отвезли в Слободское. Со мной были и другие женщины. У одной был 4-месячный ребенок.

Моя свекровь все время переписывалась с мамой и посылала для меня деньги. Она предупредила маму, что я приеду в Слободское, и мама ходила на станцию каждый день. Когда наш поезд подошел, я увидела маму на платформе. Она была с букетом полевых цветов. Охранник велел нам пятерым держаться за руки, как будто мы были уголовницы. Они не позволили мне обнять маму или перекинуться с ней парой слов. Нам велели забраться в грузовик, в котором были два вооруженных милиционера с собакой. Нас отвезли в камеру предварительного заключения милиции Слободского.

В нашу камеру зашел молодой милиционер и спросил, кто хочет вымыться в душе. Я попросила отвести меня туда, а на обратном пути в камеру обратилась к нему с просьбой сказать моей маме, где я нахожусь. Я объяснила ему, что была здесь в ссылке до моего возвращения на родину, а теперь меня снова вернули сюда. Милиционер сказал, что ему запрещено разглашать информацию обо мне. Я попросила дать мне карандаш и клочок бумаги, написала мамин адрес и просила сохранить его на всякий случай.

Мама рассказала мне позже, что кто-то пришел к ней и сказал, где меня можно найти. Она пришла повидаться со мной. У нее было для меня 400 руб., пальто и резиновые сапоги. В тюрьме мы имели только ту одежду, что была на нас, а денег не было совсем. Нас отправили в Нагорск, в 160 км от Слободского. Мы шли несколько дней, останавливаясь на ночь в разных отделениях милиции. Мы были без сил, но старались двигаться, потому что если бы мы сели, невозможно было бы заставить себя встать. Ребенка мы несли по очереди.

В Нагорске нас встретил милиционер. Там был огромный барак посреди поля, а вокруг – только поле и лес. В бараке имелись двухэтажные нары, а посередине – печка с торчащей наружу трубой. Там жили семьи поволжских немцев. Они рожали детей, справляли свадьбы и хоронили умерших. Милиционер сказал, что мы можем переночевать в бараке, а на следующий день нам надо искать жилье. В бараке не оказалось свободных нар, и мы спали на полу. Мы так устали, что нам было все равно. Главное, что мы будем спать, и никто не будет нас будить.

С нами была еще одна еврейка. Это была пожилая женщина из Венгрии. Мне было 23, а ей – 50 лет в то время. Ее звали мадам Якобсон. Когда в Германии к власти пришел Гитлер, венгры начали притеснять евреев в своей стране. Еврейская община Венгрии обратилась к еврейским общинам других стран с просьбой вступать в брак с венгерскими евреями, чтобы они мели возможность уехать из страны. Таким образом, мадам Якобсон оказалась замужем в Латвии, откуда ее с мужем депортировали в июне 1941 г. Ее муж умер в лагере. Детей у них не было, и она была совсем одна. Якобсон сказала мне, что нам, еврейкам, надо держаться вместе. Что мы и сделали.

На следующее утро я разделила мамины деньги со своими товарищами по несчастью. У них даже не было денег на телеграмму семье с просьбой прислать им немного денег. Мы пошли искать жилье. Местные жители с опаской относились к нам. Найти жилье было не просто. Мама сказала мне, что она пытается организовать мой переезд в Слободское. Ей сказали в комендатуре, что я смогла бы переехать в Слободское, если бы со мной был мой сын. Мама написала свекрови, и та привезла Максима в Слободское. Ему было 10 месяцев. Мне разрешили переехать в Слободское, и позже приехал мой муж.

Мы жили вместе – Яков, наш сын и мама. Я пошла работать на склад лесоматериалов учетчицей, отпускала распиленный лес. Яков тоже устроился работать туда же. Я была очень расстроена тем, что Якову приходилось жить в таких условиях. Он не был ссыльным, мог жить в Таллинне и иметь хорошую работу. Яков же думал по-другому. Он сказал, что он счастлив быть там, где его жена и сын. Яков хорошо зарабатывал, но я знала, что такая жизнь ему в тягость, хотя я не могла ничего изменить. Яков купил кроватку и коляску для нашего сына. Свекровь каждый месяц посылала нам посылки. В те годы было трудно купить продукты даже в городах, и здесь тоже это было почти невозможно. Свекровь посылала крупу, сахар, масло, одежду и обувь для Максима. Благодаря ей мальчик рос здоровым, умным и сильным.

Мы регулярно ходили отмечаться в комендатуру. Сначала надо было ходить раз в 10 дней, а потом – раз в месяц. Когда сыну было около 5 лет, комендатуру посетил полковник из Кирова. Он потребовал, чтобы я пришла вместе с мамой. Моя семья пошла со мной, муж и Максим. Он был симпатичный, как кукла! На нем была красивая одежда.

Свекровь посылала мне одежду, которую ей давали ее друзья и знакомые, когда их дети вырастали из нее. Полковник посмотрел на Максима и сказал, что не обязательно было брать ребенка с собой, и было бы лучше, чтобы ребенок ничего не знал о комендатуре. Я ответила, что некому было остаться с ним дома. Полковник дал моему сыну бумагу и карандаши, чтобы он рисовал, пока мы были заняты.

Немного позже меня вызвал начальник местного КГБ. Я сказала своему начальнику, что меня вызывают, и что я очень беспокоюсь. Он успокоил меня, сказав, что если бы они хотели арестовать меня, они бы сами пришли за мной. По дороге я зашла к маме в детский сад, где она работала. Я сказала ей, куда иду, и попросила не волноваться, если я не вернусь. Когда я пришла в кабинет коменданта, он послал свою секретаршу за какими-то бумагами, которые он потом дал мне прочесть и расписаться. В бумаге говорилось, что, начиная с этого числа, мой сын Максим Страж, 1948 года рождения, освобождается из ссылки. Я даже не знала, что он считался ссыльным. Так, в 1953 г. ребенка освободили.

Меня же освободили из ссылки в 1956 г. Дело ускорил тот факт, что мой муж был участником войны. Маму и сестру не освободили до 1960 г. Сестру мою выслали, когда ей было 12 лет. Она работала в поле, потом на фанерной фабрике, прежде чем поступила в профессиональное училище, где обучали обслуживанию потребителей. Она стала маникюршей. После окончания училища София работала в местной парикмахерской. Когда она вернулась в Таллинн, она пошла работать маникюршей. София вышла замуж за Владимира Попова, русского. Они прожили вместе хорошую жизнь. К сожалению, у них не было детей.

После войны у нас не осталось родных в Таллинне. Жив был только мамин брат Герц. Его освободили из лагеря в 1947 г., и он вернулся в Эстонию. В 1948 г. из ссылки вернулась его дочь Ирина. Когда в 1948 г. снова стали арестовывать тех, кто был в

ссылке, Герц с дочерью уехали в Ташкент. Его жена все еще была в ссылке. Ее освободили только тогда, когда началась реабилитация жертв большого террора. Она поехала в Ташкент, чтобы соединиться со своей семьей. Герц умер в Ташкенте в 1985 г., его жена – в 1999 г. Ирина вернулась в Таллинн из Ташкента в 2000 г., когда Эстония стала независимой.

Двое из маминых братьев погибли в ГУЛАГе. Мы знали только, что Эфраим умер 14 июня 1942 г. В его свидетельстве о смерти сказано, что он умер от дистрофии, но мы ничего не знаем об обстоятельствах его смерти: умер ли он от голода, или это была болезнь, были его смерть случайной, или его убили. Об Исроеле мы ничего не знаем вообще. Он просто исчез в ГУЛАГе. Лейб, Абрам и Пейсах были убиты в Эстонии фашистами вместе со своими сыновьями. Мамина сестра Элла, жившая с семьей в Риге, тоже погибла во время оккупации Латвии. Итак, подсчитываем: Гитлер убил четырех человек из семьи Шейнов, а Сталин – двоих. Папина сестра Дора умерла в Москве в 1947 г.

После возвращения в Таллинн мы с мужем несколько раз ездили в Валгу. Город был такой родной! Каждый год я ездила в Валгу в день годовщины смерти бабушки и дедушки. Я ходила на их могилы. Я также ездила туда в дни праздников. И в советское время мы дома соблюдали еврейские традиции. Никого не касалось, что происходило в нашем доме. Мы сами выбирали, какие праздники хотим отмечать – еврейские или советские. Мы не хотели праздновать бедствия и потери, которые принесла нам советская эра.

В синагогу мы ходили только по праздникам. Когда мы вернулись, у нас не было возможности соблюдать кашрут – негде было купить кошерные продукты. Но мы старались. На Пейсах обязательно в доме была маца. Ее можно было купить в синагоге, а если ее там не было – мы пекли ее дома. Мы постились на Йом Кипур и исполняли ритуал Капорес. Мы использовали деньги вместо цыплят, а потом отсылали их в синагогу.

Наш сын не получил еврейского образования, но он знал все еврейские традиции и видел, как мы соблюдали их дома. До того, как ему исполнилось 13 лет, его подготовили к бар мицве. Максим не знал иврита, и я написала ему все слова молитвы русскими буквами. Он выучил их наизусть. В Таллинне был юрист по фамилии Левитин. Позже он уехал в Израиль. Его отец был большим знатоком еврейских ритуалов и традиций. Он готовил Максима к бар мицве. Мы купили сыну новый костюм, рубашку и галстук. Когда он вернулся из синагоги, свекровь подарила ему часы. Максим хорошо учился в школе, но не стал ни пионером, ни комсомольцем. Он так решил, и учителя не смогли переубедить его. Мой сын всегда умел настоять на своем.

В годы советского режима в Эстонии расцвел антисемитизма. Лично я его никогда не испытывала. Ко мне всегда хорошо относились. Многое зависит от личности, но я не могла не заметить, что отношение к евреям стало отличаться от того, каким оно было в досоветской Эстонии. На словах советские власти были против антисемитизма, но на деле они его распространяли.

Когда мы вернулись, мы с мужем пошли работать на механический завод. Мы работали по сменам, и иногда это были ночные смены. Мы старались работать в одну и ту же

смену. Позже мой муж поступил учиться, и тогда он начал продвигаться по службе. Когда он стал начальником цеха, он перестал работать по сменам, а я продолжала. Случалось, что Яков уходил на работу, когда я только что вернулась домой. Муж хотел, чтобы я нашла другую работу, которая больше бы подходила нам. Мои родственники помогли мне найти работу товароведа, но в его обязанности входили командировки по всему Советскому Союзу для покупки товаров. Я знала, что это заденет в плохом смысле мою семью и моего сына, и отклонила это предложение.

Потом мне предложили работу товароведа на складе. Я должна была выбрать между складом драгоценностей и складом сувениров. Работать с драгоценностями, золотом и бриллиантами, было бы тревожно. Надо быть честным, но ведь зависишь и от других; эта работа была очень ответственной. Поэтому я согласилась на должность счетовода на складе сувениров. Позднее я работала на складе стали. Когда в Таллинне открылась новая гостиница, я работала там горничной. После суток работы я три дня была дома. Это была трудная работа. К тому времени я уже получала пенсию и решила, что пришла пора уйти с работы совсем. Я перестала работать в 62 года.

Мы с мужем прожили вместе 37 лет. Он стал главным инженером, а потом заместителем директора завода. Это была трудная и напряженная работа. У него было три сердечных приступа, он умер после третьего. Моя свекровь умерла в 1980 г., а Яков – в 1983 г., за три недели до своего 60-летия. Мы уже зарезервировали ресторан и напечатали приглашения. Это была внезапная смерть. Яков и его мать были похоронены на еврейском кладбище в Таллинне. Моя мама умерла в 1985 г., через два года после Якова.

Окончив школу, мой сын поступил на факультет автомобильного транспорта Таллиннского политехнического института. После окончания института он работал в автомобильной компании, где хорошо продвинулся по службе. Максим женился на Маргарите, русской девушке. Она на два года старше него. Маргарита родилась в Литве. Когда она была ребенком, семья переехала в Таллинн. Маргарита работала плановиком в отделе легкой индустрии.

Их сын Вадим родился в 1969 г., а дочь Ангелина – в 1976 г. Несмотря на то, что моя невестка русская, семья сына следует еврейским традициям и отмечает праздники. Маргарита научилась печь халу и готовить традиционные еврейские блюда. Она попросила у меня рецепты и записала их. Они вырастили своих детей евреями. Мой внук Вадим учился в Москве. После окончания института инженеров железнодорожного транспорта он вернулся в Таллинн. Он работает в автомобильной компании. Он женат на Насте, Анастасии, русской девушке. Их сына зовут Алан.

Моя любимая внучка Ангелина училась в школе с углубленным изучением английского языка. Она хотела стать юристом. Когда она еще была школьницей, была объявлена программа по обмену учащимися. Ангелина подала документы для участия в этой программе. Там был большой конкурс, условия которого были довольно жесткими. Ангелина выдержала конкурс. Мой сын хотел, чтобы она поехала учиться в США, где она могла бы получить хорошее образование и иметь лучшие жизненные возможности, но в последний момент внучка испугалась. Она плакала, а я говорила ей, что она ведь всегда может вернуться домой, если ей там не понравится.

Ангелина уехала в Америку с двумя чемоданами. Один был поменьше с ее одеждой, а большой был заполнен книгами. Она жила в семье в Майами, в которой были две дочери; у одной из них были проблемы с математикой. Родители надеялись, что Ангелина сможет помочь ей. У моей внучки были высшие оценки по математике. Эта семья сердечно приняла Ангелину; они относились к ней, как к родной. Ангелина поступила в юридический колледж. Через год эта семья решила сделать Ангелине подарок. Они приехали вместе с ней в Таллинн и познакомились с ее семьей. Они пробыли у нас месяц.

Окончив колледж, Ангелина поступила в юридическую школу при университете. Она снимала квартиру вместе с другой студенткой. Перед окончанием учебы студенты должны были найти место практики. Моя внучка послала письма в пять мест, и ее пригласили три из них. Она выбрала Вашингтон. Наставником Ангелины был опытный юрист. Он брал ее с собой по всем делам, даже в Белый дом.

Ангелина встретила своего будущего мужа в университете. Он учился на другом факультете. Его звали Георг Экки. Он был американским евреем из традиционной еврейской семьи. Мой сын с женой поехали туристами в Израиль, и Ангелина с Георгом тоже приехали туда. Георг очень понравился моему сыну, и это было очень важно для Ангелины. Отец был для нее высшим авторитетом. Они были очень близки.

Однажды ночью в доме моего сына зазвонил телефон. Сын был встревожен. Ночные звонки редко приносят хорошие новости, но на этот раз это была Ангелина. Она сказала отцу, что Георг сделал ей предложение и спросил, не будет ли ее отец возражать против их свадьбы. Сын сказал, что она должна решать сама, но что ему Георг очень понравился. На следующий день последовал звонок от отца Георга, который спросил, дал ли мой сын согласие на их брак. Сын рассказал мне об этом, и мы стали ждать свадьбу.

Мы полетели в Америку на свадьбу. Я бывала на еврейской свадьбе и могу сравнивать. Свадьба Ангелины была традиционной еврейской. Устроили ее родители Георга. Ангелина им очень нравилась. Я подарила внучке семейную реликвию – золотую медаль, которую мой дед Яков Бродовский получил в Московском университете за свои успехи в учебе. На лицевой стороне медали выгравировано «1884 год», по ободку – «Яков Бродовский» и на оборотной - царский герб и слова «Московский государственный университет». Теперь эта медаль у моей внучки, и она сможет передать ее своим детям в память об их истоках.

Мой правнук Дилан-Матью родился в 2000 г., его назвали Диланом в память матери Георга Дины, которая умерла незадолго до его рождения. Второе имя Матью ему дали в память о моем сыне, умершем через полгода после рождения Дилана. Это случилось в 2001 г.

Я ничего не знала о болезни сына. Он прожил десять лет после того, как узнал о своем заболевании. Он запретил говорить мне об этом. Максим был очень сильным человеком и никогда не жаловался. Один раз моя сестра спросила меня по телефону, как чувствует себя Максим. И она и все знали о его болезни. Только меня держали в неведении. Я даже не понимала, почему в моем присутствии у него всегда был надет шарф вокруг шеи. У него была раковая опухоль на шее, она была уже заметна, и он не хотел волновать меня.

Потом я случайно узнала, что сын проходил курс химиотерапии. Я спросила его – зачем, и он сказал, что в профилактических целях.

Он много работал и часто ездил в командировки. Я не видела в этом проблемы. Один раз мне сказали, что он поехал по делам в С.-Петербург. Я не волновалась, но эта поездка казалась мне подозрительно долгой. Когда он вернулся и позвонил мне, у него был едва слышный голос. Я пошла навестить его и увидела, насколько он слаб. Он был дома три дня. Когда началось кровотечение, его поместили в больницу. И только тогда я узнала, что он был не в деловой поездке, а в больнице, где ему делали спинномозговую трансплантацию. Он ее не перенес и вскоре умер. Я не знаю, как я могла не заметить болезни своего сына. Я была как слепая. Я не знаю, за что Бог наказал меня. Я потеряла всех близких. Я пережила своего сына. Теперь я живу одна.

Я не переживала, когда распался Советский Союз. Я думаю, что это было хорошо для Эстонии. Наша теперешняя жизнь в независимой Эстонии подтверждает, что я была права. Некоторые люди до сих пор думают, что жить в Советском Союзе было лучше, но я так не считаю. Я довольна, что наша страна не должна ждать указаний из Москвы, а может сама строить свою жизнь.

Я живу в достатке. Наше правительство считает тех, кто был сослан, жертвами репрессий, и старается облегчить нашу жизнь. Моя пенсия выше, чем у других пенсионеров. Когда подсчитывали стаж работы, один год работы в ссылке засчитали как три, и при возрасте 80 лет у меня формальный стаж работы тоже 80 лет. Моей пенсии хватает мне на жизнь. Репрессированные получают и другие льготы. Я всегда чувствую, что моя страна заботится обо мне, и это очень приятно.

Во время перестройки в Эстонии была образована Еврейская община. Она стала больше и сильнее. Я думаю, что это очень важно. После войны в Эстонию приехало много евреев. У них нет родных, и среди них много одиноких людей. Они посещают общину и находят себе занятие. Это очень важно для одиноких людей. Я считаю, что все евреи должны поддерживать друг друга. Неважно, где они родились – здесь или приехали из других мест.

Я довольно часто ходила в общину. Там ежемесячно собирались бывшие ученики еврейской гимназии. Жалко, что нас осталось мало. Некоторые погибли в Холокосте, другие умерли после войны. В нашей общине я была членом женской сионистской организации – WIZO, которая заботилась о пожилых и одиноких людях. Я не могу больше заниматься этой работой. Я хожу в общину на еврейские праздники. Мне нравится проводить время с людьми, которых знаю и которым я симпатизирую.